

УРОК НАДОРВАВШЕЙСЯ ИМПЕРИИ И ОБЕССИЛЕННОГО СОЦИУМА¹

Г.Л. Тульчинский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

Аннотация: *Статья содержит попытку проследить действие концептуальных политических факторов, которые обеспечили формирование и обусловили крах советского государства. Особое внимание уделено соотношению интернационализма и национальной политики, специфике советской политической элиты, ее неоднозначной роли в позднесоветском этапе развития страны. Действие этих факторов сочеталось с доктринально поддерживаемым объяснением исключительности политического режима, его особой общечеловеческой роли. Такая практика привела к истощению экономических и человеческих ресурсов, а главное – к формированию «обессиленного общества», лишенного способности и навыка политической гражданской инициативы.*

Ключевые слова: *империя, социальные силы, СССР, элита, этнофедерализм.*

Распад Советского Союза одно из титульных событий конца прошлого века. Крах одного из величайших проектов в истории безболезненным быть никак не может. И дело не в фантомных болях по утраченным территориям, роли в мире, даже просто... Дело в утраченной перспективе, уничтожении будущего, в до сих пор необъясненной толком быстроте этих утрат, длящейся невнятности настоящего с апелляцией к этому прошлому.

Ни в коей мере не претендуя на полноту и окончательность осмысления, попробуем, хотя бы эскизно ответить на главные вопросы... Что же это было? Почему это произошло? Кому можно вменить происшедшее? Без постановки хотя бы такого общего диагноза, невозможно ответить и на главный вопрос – как же жить дальше, что со всем этим делать?

Роль империй в истории

Распад империй всегда исторически в изрядной степени огорчителен. Империя – это отнюдь и не во всем плохо. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Более того,

¹Основная часть данного текста была опубликована ранее [Тульчинский 2018: 207–218]. Переработки и дополнения выполнены при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

можно утверждать, что цивилизационные прорывы в истории осуществлялись именно империями. Даже империя Чингизидов оставила почтовые тракты. А кратковременная империя Наполеона оставила метрическую систему мер, кодекс Наполеона и правостороннее движение. В идее империи много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению. В имперских условиях делаются политические, научные, художественные, военные карьеры, немислимые в условиях «национальных государств».

Более того, имперское культурное наследие обладает существенным потенциалом развития открытого общества. Согласно докладу Совету Европы о содержании и источниках идеи европейскости, европейская идентичность включает в себя: мультикультуральность, демократию, толерантность, веру в исторический прогресс, права человека. Причем источники формирования этих базовых ценностей авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т. е. имперским началам, объединявшим мир европейской цивилизации [In From the Margins... 1997]. Имперское по самой своей сути – общечеловеческое. Или претендует на такое. Поэтому исторические империи можно рассматривать как ростки, «пробы пера» глобализации, что, кстати, объясняет имперские черты нынешней глобализации. Именно в контексте имперской политической культуры возникли идеи либерализма и прав человека – свободы как ответственности социализированной личности.

Не являлась исключением и Российская империя, в том числе и в ее советской ипостаси². Как и всякая империя, она была не только «тюрьмой народов», но и несла этим народам просвещение, условия развития, совместного существования.

Но у всех империй есть одна особенность – они рано или поздно распадаются. Кроме, может быть, одной империи – Китайской, которая, однажды возникнув, из истории уже не уходила. Что, возможно, обусловлено общей китайской моделью цикличности универсума. Но в нашем линейном мире империи, рано или поздно, распадаются, трансформируются. И это обычно предопределяется рядом причин. Обозначу три, представляющиеся главными:

(1) Нарастание центробежных сил, перевешивающих центростремительные, создававшие империю. Что проявляется в формировании местных региональных все более самостоятельных элит, располагающих необходимыми ресурсами.

(2) Центральная элита вырождается, в том числе – проявляя недалекость.

(3) Внешняя опасность, завоевание...³

При этом, последний фактор реализуется обычно именно в силу предыдущих двух. С государством происходит то же, что и с организмом, утратившим иммунитет, когда он оказывается бессильным перед простейшими инфекциями. А у государства, в отличие от организма, части (фактор (1)) могут даже начать искать союзников извне. Так что решающими оказываются первые два фактора. Поэтому, применительно к России, ограничимся их рассмотрением – тем более, что и исторически он в нашем случае практически отсутствовал. Мировое сообщество, при всей неоднородности интересов его членов, предпочитает, так или иначе, но иметь дело с любым нашим правительством, понимая, что дальнейший распад на-

² Недаром в 1939 г. генерал Деникин поднял в Париже тост за большевиков и Красную армию, которые спасли великую империю.

³ В данном рассмотрении я отвлекаюсь от экономических факторов, например, от несостоятельной промышленной политики, приведшей, с одной стороны, к милитаризации экономики, когда акцентированные расходы бюджета на «оборонку» создают инфляционную систему с положительной обратной связью. С другой – к расплывлению основных фондов, сырьевой (и вообще – рентной) зависимости... Все эти факторы в советской ситуации были вторичны по отношению к выделенным политическим факторам. Вопреки даже марксизму, советская экономика была вторична по отношению к политике, идеологии. Поэтому в данных заметках упор делается именно на политических факторах.

шей страны, сопровождающие его социальные конфликты ничего хорошего миру не сулят. Другой разговор, если мы сами рассосемся в истории и пространстве. Свято место пусто не будет.

Итак... Почему Это произошло?

Ловушка парадоксальной национальной политики

Одной из причин – этнофедерализму – была посвящена недавняя довольно обстоятельная статья [Тульчинский 2021: 101-111]. СССР, похоже, был единственной в мировой истории империей «позитивного действия» – не только и не столько «высасывавшая ресурсы периферии», сколько эту периферию всячески развивавшая... Причиной тому была парадоксальная советская национальная политика.

Большевики – партия интернационалистов, желавших поражения своей стране в I Мировой войне и рассматривавших Россию в качестве детонатора Мировой революции, оказавшись у власти и поняв, что перспективы мировой революции более чем утопичны, вынуждены были строить отношения с народами бывшей империи, искать союзников внутри страны и за ее пределами. И они увидели их в национально-освободительном движении. Это была политическая игра: и Маркс, и Ленин понимали нации как пережиток буржуазного общества, который отомрет по мере строительства нового общества. Поэтому национальный вопрос никогда не рассматривался ими всерьез. И национальная политика была поручена «замечательному грузину». В результате была отвергнута идея культурной автономии и был реализован проект федерации с правом наций на самоопределение, вплоть до выхода из федерации. Причем, поскольку сама идея нации понималась сугубо примордиалистски – по происхождению и культуре, под национальностью, фактически, понималась этничность, постольку статус наций получили этносы, да еще с конституционным правом на отделение⁴.

В результате получился худший вариант федерализма – многоуровневый этнический федерализм, с появлением «титულიх наций», национальными автономиями, округами. Но и этот федерализм опять же никто всерьез не воспринимали. Это был политический дизайн. А реальная политическая система к конституции не имела отношения. Реальные процедуры, механизмы принятия и реализации решений осуществлялись коммунистической партией – фактически имперским механизмом власти⁵.

Национальная политика заключалась в поощрении развития национальных культур, некоторые этносы получали язык, письменность, воспитывалась национальная интеллигенция, развивалось искусство – «национальное по форме, социалистическое по содержанию». Новым «нациям» отдавались территории (присоединенные, а то и освоенные силами многих поколений), основные фонды, строились предприятия... Советская империя, заигравшись с на-

⁴ И мы до сих пор сталкиваемся с последствиями сталинского этнофедерализма и примордиалистского понимания национальной идентичности. И дело не просто в этнических конфликтах. Бомба заведена в самой Конституции, где (как и в Конституции СССР!) говорится о России как многонациональном государстве. Ни власть, ни общество до сих пор не готовы к пониманию России как многонациональной нации! Между тем, Россия, как и СССР, остается федерацией «на бумаге». Недаром для сохранения целостности потребовалось «укрепление вертикали» с выхолащиванием федерализма. Нужен ли России федерализм – отдельный вопрос, который даже не обсуждался и не обсуждается. СССР никогда не был реальной федерацией. Между тем, весь мировой опыт говорит, что федерации редко бывают устойчивыми. Чаще всего это переходная система – то ли к интеграции, то ли к распаду. Так не пора ли, наконец, привести в соответствие политический дизайн и реальность... И говорить о нации как гражданской принадлежности, как о гражданстве. Сколько можно морочить голову? Прежде всего – самим себе. Да и в гражданской российской национальной идентичности. как принадлежности единому государству – конь не валялся. Все спорим о «русскости», о «понаехавших», подпитывая конфликты на местах. Наверное, потому и государства-то единого, ясного нет.

⁵ Не даром и компартии РСФСР не было. А создание КПРФ стало одним из импульсов распада.

циональным вопросом, фактически, создавала полноценным национальным государством в буквальном смысле – создавала основы новых национальных государств. И если Сталин, следуя опыту Ивана IV «перебирать людишек», не давал региональным элитам возможности прикипать к месту. Хрущев, а затем и особенно – Брежнев отступили от этого правила. В результате сформировались национальные политические элиты, желавшие конвертировать власть в собственность, их искушал блеск дипломатического паркета... Они-то, в конечном счете, и растащили Советский Союз.

Поэтому, когда была распущена КПСС, был выдернут гвоздь, на котором все держалось – пустой политический дизайн быстро наполнился реальным содержанием, и союз посыпался.

Играл ли во всех этих процессах какую-то роль субъективный фактор? Несомненно.

Игры несостоятельной элиты

М.С. Горбачев с соратниками, затеяв попервоначалу очередной виток догоняющей модели развития («ускорение»), быстро утратили интерес к экономике и перешли к политическим реформам («перестройка», «демократизация», «гласность»), «культурным инновациям» вроде антиалкогольной кампании. И все это в условиях крайне неблагоприятной конъюнктуры на внешних рынках, тяжелом состоянии экономики страны, нерешенности вопроса о собственности... Между тем, весь опыт истории Новейшего времени говорит о том, что демократия – результат, продукт, «упаковка» всюду плотных рыночных отношений. Не демократизация предшествует экономическим реформам, а наоборот – развитая рыночная экономика является основой успешных политических реформ, создавая предпосылки для формирования таких институтов как правовое государство и гражданское общество. В противном случае формируемой «демократии» просто не на что опереться – ни в экономическом, ни в социальном планах.

Более того, согласно азам теории и практики управления и менеджмента, если руководством затеваются нововведения, залогом успеха является давно выработанная и неоднократно апробированная на национальном и корпоративном уровнях технология:

- не жалеть времени на разъяснительную работу, потому что люди могут не понимать целей реорганизации, или, что еще хуже – понимать их, но неправильно;
- создание социальной базы реформ: заинтересованных в их успехе организованных групп людей, наделенных дополнительными полномочиями;
- неукоснительный и тщательный контроль – не столько за результатами, сколько за процессом, для того, чтобы своевременно принимать меры при возможных отклонениях, непонимании или сопротивлении нововведениям;
- и все это при условии концентрации административной власти властным центром, и только по мере реализации реорганизации полномочия делегируются вниз.

В случае же горбачевской перестройки практически все эти условия соблюдались с точностью до наоборот: радикальные реформы сопровождались «демократизацией» – вплоть до выборности руководителей предприятий. А инициатор реформ так и не реализовал возможность получить легитимную власть на всенародных выборах, очевидно, опасаясь таких выборов, не веря в успех.

Наконец, как можно понимать такой факт... Согласно результатам прошедшего весной 1991 года всесоюзного референдума, подавляющее большинство граждан всех союзных республик (кроме Прибалтийских, в референдуме не участвовавших) изъявили желание жить в обновленном союзе. И за считанные дни до подписания нового союзного договора, согласованного со всем руководством союзных республик, Президенту Союза потребовалось лететь

в Форос. А прилетел он, по его же словам, «в другую страну», которую у него «выдернули из-под ног»⁶.

И на фоне всего этого пришедшая к власти в РСФСР ельцинская команда с упоением раскачивала лодку в борьбе с союзным центром за финансы, другие ресурсы, механизмы принятия решений... Да и Беловежские соглашения эта команда всерьез не воспринимала, видя в них тактический успех в борьбе с центром.

Что это – вина или беда отечественного политического класса, отечественной советской (да и постсоветской) политической элиты?

Недавно с магистрантами разбирались – что такое политическая элита? Обложились умными авторами, концепциями... И что-то не срасталось. Пока не уточнили различие между элитой, истеблишментом и политическим классом.

Слово элита пришло из сельского хозяйства. Элитное зерно, элитные бычки... – лучшее, отборное, на развод. В человеческом обществе это люди, задающие образцы: интеллектуальные, нравственные, духовные... В политической жизни – те, кто открывает новые горизонты и пути их достижения. Люди с длинными мыслями. И эти мысли консолидируют общество, делая его обществом.

Истеблишмент – основной социальный слой общества, реализующий его ресурсы, придающий своим образом жизни этому обществу форму и устойчивое развитие.

Политический класс – это депутаты, партии, чиновники, ведущие эксперты, журналисты... Этот самый политический класс в нынешней России есть и – с избытком. Истеблишмент, худо-бедно, но складывается. А вот элиты, похоже, не было, и нет.

Более того, отсутствуют механизмы ее формирования. В истории выработались два механизма формирования и воспроизводства элиты. Либо на основе инициативы, предприимчивости, таланта – как это происходит в большинстве стран цивилизационного фронта. Либо на основе тщательного отбора лучших – как это было в средневековом и есть в нынешнем Китае, как в современной Франции, Японии. Второй механизм действовал в СССР, но в извращенной форме: отбирались отнюдь не лучшие по деловым и нравственным качествам. Главным было другое. Более того, именно лучшие и устранялись. Разными способами – вплоть до физического уничтожения. Во всех социальных группах и слоях... Советский и постсоветский политический класс всячески вытапывал и вытапывает ростки конкурентной среды таланта и инициативы. А отбор и сепарацию, крекинг лучших подменяет личной преданностью по вертикали и вертикалкам. В результате власть превращается в некое корпоративное сообщество со своими интересами⁷.

И тогда понятно – почему в России общество и экономика недоверия, когда власть не доверяет бизнесу и обществу, бизнес не доверяет государству и обществу, а общество, вполне справедливо отвечает им взаимным недоверием. Потому что консолидировать общество на конструктивной основе может только элита. Консолидировать не перед некоей – то ли реальной, то ли выдуманной опасностью, а на конструктивной позитивной основе.

Тогда понятно и почему у страны так и нет национальной идеи – ее просто некому выработать. Нет людей с длинными мыслями. А есть мысли короткие: нам бы только ночь

---

⁶ Правдивая история ГКЧП еще не написана. Как показала прошедшая в Санкт-Петербурге в сентябре 2018 года конференция, посвященная этим событиям, в них сохраняются еще «белые пятна», а сами события августа 1991 года весьма напоминают по сути и по результатам события августа 1917 г.

⁷ Дошло до того, что полиция объявила себя социальной группой (?!?!), критика в адрес которой расценивается как разжигание общественной розни наравне с межнациональной. С гражданской позиции это нонсенс – нация, государство в государстве. С примордиалистской позиции – еще того хуже сотрудники государственного аппарата правоохранения предстают как этнос.

простоять, да день продержаться, иметь возможность рулить ресурсами – финансовыми, сырьевыми, энергетическими, информационными...

Понятны и игры с системой образования и наукой. Элита – она, прежде всего, об образовании, науке и культуре думает. Потому что видит новые горизонты и понимает – как к ним идти. Это понимал Петр I, это понимал Ли Куан-ю, к которому дважды приезжал учиться Дэн Сяо-пин. Это по-своему, но понимали коммунисты.

А наш политический класс – он понимает – зачем труба. Понимает – зачем люди у трубы. Понимает – зачем люди с ружьем – они охраняют трубу и людей у нее. А зачем – тут остальные, для чего и вообще – что они делают тут – понять им, видимо, не дано. И называть временщиков элитой – то же самое, что называть педофила чадолюбивым человеком. Конечно, они имеют отношение к власти, так же как и тот – к детям.

Мессианская исключительность

Большевики – довольно маргинальная партия до осени 1917 года – в результате захвата власти в столице, фактически возглавили крестьянскую революцию в России. Недаром первыми декретами были декреты о земле и о мире. С одной стороны, это был просто перехват политических лозунгов эсеров, а с другой, и это было самое главное, стране с доминированием крестьянства (солдаты – это были крестьяне с ружьями, а рабочие – вчерашние крестьяне) была предложена ясная перспектива торжества человека труда и экспроприации экспроприаторов. Более того, происходящее рассматривалось как начало мировой революции, как прорыв в России слабого звена системы угнетения и несправедливости. Советская Россия рассматривалась в качестве стартовой точки прорыва человечества в новое светлое будущее.

Это была великая миссия народа-страстотерпца, обретения великого смысла происходящего. И коммунисты долго еще поддерживались этим мощным импульсом образа будущего, в котором будет главным принцип «от каждого по способности, каждому по потребности». Даже дизайн основного закона и государственной символики предполагали возможное расширение в глобальном масштабе этого царства справедливости. И это было в первые два десятилетия позволило консолидировать общество, победить в гражданской войне и придать оправдательный антураж массовым репрессиям. В апелляции режима к образу будущего, перспективе освобождения всего человечества было отличие и существенное преимущество советской политической доктрины. Подобного успеха невозможно добиться, апеллируя к уникальности исторического прошлого, придавая смысл своему пребыванию у власти как некоего удерживателя традиции (катехона) в противостоянии всему грешному миру.

Такое общество будущего претендовало на общечеловечность, отсылало к пролетарскому интернационалу, подпитывало соответствующие внутренний и внешнеполитический курс. Коммунистический идеал давал некоторое основание политическому классу претендовать на статус элиты. Более того, способствовало формированию определенного антропологического идеала инициативной и ответственной личности, занимающей активную жизненную позицию. Этого потенциала хватило даже на формирование целого поколения советских людей. Однако противоречие идеала и практики, ориентированной не личную инициативу, а на регламентацию всех уровней социальной жизни и жесткий контроль, вплоть до жестких репрессий, привели к растрате человеческого потенциала и закреплению неспособности решать вопросы только «вертикально».

В реальной социальной жизни практиковались контроль и жесткая регламентация, когда человек с самого детства и до седины не был хозяином своей собственной жизни. В конечном счете, это породило глубоко коренящиеся до наших дней парадоксально сочетающиеся инфантилизм, безответственность, нетерпимость, не договороспособность. Люди оказыва-

ются не способными к выстраиванию «горизонтальных» отношений, неспособными решать свои проблемы самостоятельно. Выработана привычка все вопросы – от производственных до личных – решать через обращение в вышестоящие инстанции с просьбой, жалобой или доносом [Тульчинский 2023: 90–98].

Бессильная новая историческая общность

Еще в глухое советское время «застоя» было ясно, что, если где-то есть общество потребления и потребителей, то это именно советское общество, в котором свой и чужой труд не ценится, где экономика издревле носит рентный характер, где люди – не хозяева своей жизни, привыкли не думать о завтрашнем дне – для этого есть начальство. И вообще – лучше не высываться...

Этот инфантилизм сполна проявился в позднесоветское и постсоветское время. Речь идет о ценностной перенастройке советского общества, начавшейся еще в 1960-х, о чем уже шла речь выше. Широкомасштабное типовое индустриальное жилищное строительство дало возможность расселять коммунальные квартиры и общежития. Развилось массовое телевидение. В семьях рабочих и служащих появились такие предметы бытовой техники, как холодильники, магнитофоны, радиолы, стиральные машины, а в некоторых и личный автотранспорт. Возникли новые формы проведения досуга: туризм, клубы по интересам. Благодаря всему этому население становилось более автономным в плане бытового обустройства, а с другой – более зависимым от рынка товаров массового потребления и услуг. Показательно, что тогда же прошла довольно шумная дискуссия о «мещанстве» и «вещизме», показавшая, что стремление к личному благополучию достигло уровня осознанных интересов и ценностных ориентаций широкого круга людей. Все эти факты можно было бы рассматривать как свидетельство формирования, ориентированного на средний класс и рыночную экономику общества массового потребления. Если бы не отсутствие реальной собственности и следующей за нею ответственности. Все эти блага люди получали из рук государства.

В 1970-е годы завершился переход от традиционного доиндустриального общества к массовому индустриальному, а во-вторых, – от тоталитарно-мобилизационного – к потребительскому. Окончательно победило массовое общество с его потребительскими установками («мещанство» и «вещизм»). Но общество оказалось беззащитным перед массовой культурой. Если в большинстве зарубежных стран социальность имеет устоявшиеся институциональные формы гражданского общества, дающего личности – пусть формальные, но ориентиры и скрепы идентификации в виде институций религиозных, муниципального самоуправления, профессиональной корпоративности, то советский и постсоветский человек этого лишен. Советское общество было чрезвычайно дисперсно и гомогенно. Это было общество массы – самое массовое общество в мире.

Этот факт – еще одно подтверждение важности и даже необходимости понятийного аппарата для адекватного понимания общественных процессов, включая отечественную историю последних полутора столетий. Возможно, что именно непонимание смысла происшедших изменений и предопределило беспомощность и несостоятельность правящей элиты, привело к катастрофическим последствиям.

Произошедшие изменения не фиксировались в статистике, не отражались в программных документах, идеология и социальная наука оставались в плену устаревших понятий, «не видящих» новых реалий, не позволяющих адекватно описывать и понимать происходящее. Это создавало значительные трудности для советских лидеров, которые в глазах миллионов людей утратили былой ореол вождей, превращаясь в заурядных распределителей и присваивателей материальных благ. Несмотря на дежурные нападки на потребительство и ме-

щанство, уравнильно-аскетический идеал бесповоротно утрачивал привлекательность. Нельзя забывать и то, что все это происходило на фоне очевидных достижений и роста качества жизни в развитых зарубежных странах, утаить которые от советских людей было уже невозможно.

Говоря о причинах падения советского режима, чаще всего называют техническое, технологическое и экономическое отставание, стратегическое поражение в гонке вооружений и в холодной войне. Но к этому необходимо добавить и то, что советский режим не смог найти достойного ответа на вызов новой культурной эпохи – массовой культуры информационного общества, достигшей планетарных масштабов. Идеология и технология власти советского государства устарели задолго до того, как оно распалось в реальности. Советская коллективистская система уже не могла удерживать в повиновении массового индивида, которого сама же породила. Да и у самой советской правящей элиты возникли потребности и амбиции, типичные для массового общества: стремление выделиться из толпы «совков», обозначить свое социальное превосходство, конвертировать ставшие эфемерными привилегии власти в более осязаемые и прочные материальные ценности, закрепить их в собственность, наследственное владение.

Короче говоря, советская империя была повержена не в военном противоборстве, и даже не в экономическом соревновании с какими-то конкретными конкурентами и противниками. Она была повержена безликой и универсальной силой, утвердившейся не только «во вражеском окружении», но и в душах советских граждан – массовым обществом и ценностным содержанием его культуры.

В перестройку и гласность народ (общественность, население) с упоением читал, узнавая собственную историю, смотрел заседания Съезда Советов по телевизору... В 1991 радовались провалу ГКЧП. Так же потом бегали смотреть в 1993 году на расстрел Белого дома ... Распад Союза первоначально никто не воспринял всерьез – доходило долго и болезненно.

Консьюмеризм? Инфантилизм? Да. Ожидание, что кто-то даст свободу и демократию, принесет процветание и изобилие... Вина? И да, но больше – нет. Скорее – беда. У людей не было возможности влиять на происходящее. Кроме, пожалуй, событий, связанных с ГКЧП. Да и то – только в столицах, и только отчасти. Вот и смотрели на происходящее как на детектив. Однако проблема гражданского общества в нашей стране – большая отдельная тема...

В 1970-х автор читал еще депонированные ВИНИТИ тексты Л.Н. Гумилева как исторические фэнтези, как реализацию освоенного автором за свои ходки на зону жанра лагерного рОмана. Теперь же перечитываю с ужасом – настолько точно все предсказано и описано. Неужели мы, действительно, имеем дело с вырождением нации? Точнее – российского суперэтноса? Демографы и этнологи, даже медики, вроде бы, подтверждают это.

Но гуманитарию, тем более – философу, хочется перевести разговор в другую плоскость. Тем более, гумилевские описания, как и нынешняя российская реальность до боли в сердце напоминают последний сон Родиона Раскольников в «Преступлении и наказании».

Получается – по заслугам? И элита, и народ получили то, что заслужили. Расплата тяжелая, но заслуженная. За что?

За некомпетентность. За непонимание сути политических и цивилизационных процессов, включая опыт других стран. Наконец, просто за экономическую безграмотность.

За инфантилизм, который, в общем-то, проявление той же жизненной некомпетентности. Инфантилизм элиты, неспособной выработать длинные мысли, принимающей решения откровенно руководствуясь эмоциональными реакциями на происходящее, личными предпочтениями и симпатиями, мелкой мстительностью. Инфантилизм интеллигенции...

Инфантилизм народа, низведенного до населения и не стремящегося стать гражданами.

И лучше это признать. Потому как перекладывание вины на других – первый признак собственной слабости и несостоятельности – тех же некомпетентности и инфантилизма.

И что же делать?

Есть японская историческая притча. В XVI веке три человека пытались объединить разобщенную страну: Тоётоми, Оду и Токугава. Первый из них сказал: «Если кукушка не кукует, надо свернуть ей шею». И не смог довести дело до конца. Второй руководствовался правилом: «Если кукушка не кукует, надо заставить ее куковать.» И опять неудача. Согласно третьему: «Если кукушка не кукует, надо подождать». Именно он и стал объединителем Японии, и его потомки правили страной до второй половины XIX столетия.

Шею России в XX столетии уже сворачивали. Потом заставляли быть демократической... Как известно, в России надо жить долго. В т. ч. и чтобы дожить до того, что «кукушка закукует». Причем происходит это обычно неожиданно, вдруг. Был недавно на одной политологической конференции. Разве что не хором проговаривались три мысли. Первая – в России, с неизбежностью, назревает революция. Вторая – неясно, только – когда, и кто будет ее движущей силой. Третья – главную роль при этом сыграют природные факторы, пока еще нам не понятные. С одной стороны, от такой политологии плакать хочется – еще один симптом некомпетентности и инфантилизма. А с другой – понимание своего интеллектуального бессилия – уже обнадеживающий симптом.

Похоже, за всеми нами и каждым из нас пришли. И, как учили еще древние: делай что должно, и будь что будет. А должно – и достаточно первостепенно – это, для начала, навести порядок в головах, разобраться и уточнить ключевые концепты и концепции: гражданства и нации, политической элиты и политического класса, политическая структура и политические силы современного общества...

Тульчинский Г.Л. 2018. *Политическая культура России: источники, уроки, перспективы*. – СПб.: Алетейя.

Тульчинский Г.Л. 2021. Национальная политика как фактор создания и распада СССР. – *Вопросы философии*. – № 12. – С. 101–111.

Тульчинский Г.Л. 2023. Советская политическая антропология между молотом идеологии и наковальной практики. – *Политическая концептология*. – № 4. – С. 90–98.

In From the Margins... 1997. *In From the Margins. Contribution to the Debate on Culture and Development in Europe. A Report prepared for the Council of Europe*. – Strassburg: Culture Committee of CE.